

ДЕТЕКТИВЫ
О ПОСЛЕВОЕННОМ
УГОЛОВНОМ РОЗЫСКЕ

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**Тени
над Ялтой**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Тени над Ялтой / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238860-6

Сентябрь 1950 года. Ночной поезд Москва — Симферополь.

В купе номер шесть на спящую женщину капает кровь. На верхней полке лежит труп неизвестного мужчины, зарезанного тремя точными ударами. Вместо горбатого старика в очках и соломенной шляпе теперь лежит мертвец без документов. Вещи старика исчезли.

А в соседнем купе с женой и дочкой едет в отпуск следователь Аркадий Никитин. Упрямый московский следователь понимает — это не обычное убийство. И у Никитина появляется выбор, от которого холодеют ладони: остаться в отпуске, как просит Варя, и тем самым защитить семью, или шагнуть туда, где ни улики, ни имен — только тень, и она уже смотрит на него.

Поэтому главный вопрос здесь не «кто ударил ножом?», а...

**КАК ПОЙМАТЬ ТОГО, КОГО НИКТО НЕ ВИДЕЛ, НО КТО
УЖЕ ВЫБРАЛ ТЕБЯ?**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238860-6

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Варя ежилась, прижимая к себе Машеньку, кутала ее в вязаную кофточку. Никитин тащил два чемодана — один свой, потертый служебный, второй Варин, набитый детскими вещами до такой степени, что замок трещал. Пот градом капался по его щекам.

— Аркадий, ты взял мою синюю косынку? — спросила Варя, когда они протискивались сквозь толпу на перроне. — Я же просила положить ее в боковой карман!

— Какую косынку? — Никитин остановился, чемоданы больно резанули пальцы. — Варь, ты сама все укладывала.

— Я укладывала, а ты должен был проверить! — Варя нахмурилась, но в голосе ее звучала не злость, а усталая досада. — Значит, забыли. Прекрасно. Теперь мне нечего будет надеть на пляж.

— Купим в Симферополе, — примирительно сказал Никитин. — Варь, ну давай уже сядем в вагон, а то Машка совсем замерзла.

Вагон номер семь оказался в середине состава. Мягкий, с роскошными четырехместными купе — роскошь для старого солдата, привыкшего к фронтовым теплушкам. Никитин втащил чемоданы в узкий проход, с любопытством и даже со страхом рассматривая двери купе и шторы на окнах. Варя прошла следом, Машенька сонно свесила голову ей на плечо. Сгорбленный старичок в широкополой шляпе, из-под которой торчали во все стороны седые космы, в темных очках, в потрепанном пиджаке, на котором не хватало одной пуговицы, извинился и вежливо попросил Никитина посторониться. После чего пассажир, шаркая ногами, прошел вперед, волоча следом за собой огромный чемодан, перевязанный веревками, и со вздохом облегчения зашел в купе номер шесть.

Никитин как-то нерешительно, словно с опаской, подошел к купе номер пять. Дверь была открыта. Никитин толкнул ее плечом, затащил чемоданы внутрь.

У окна сидел мужчина. Лет сорока, невысокий, узкоплечий, какой-то весь зажатый и напряженный. Одет просто: темная рубашка навыпуск,

черные брюки, ботинки на толстой подошве. Руки — белые, безволосые — лежали на коленях. На правой руке, между большим и указательным пальцами, Никитин заметил старый шрам — тонкий, белесый, явно от бытовой травмы.

Мужчина посмотрел на своих попутчиков и отвел взгляд к окну. Не кивнул, не поздоровался. Никитину показалось, что глаза у него опухшие, влажные.

— Добрый вечер, — сказал Никитин дружелюбно.

— Вечер, — коротко бросил мужчина, не глядя.

Варя протиснулась в купе, села на противоположную полку, пристроила Машеньку рядом. Машенька зевнула, потерла кулачками глаза.

— Мама, — капризно протянула она.

— Сейчас, солнышко, сейчас, — Варя полезла в сумку за бутылкой с водой.

Никитин сел напротив соседа, попытался поймать его взгляд. Тот старательно смотрел в окно, хотя за ним еще ничего не было видно — только тусклые огни перрона и спящие пассажиры.

— Тоже в Крым? — спросил Никитин.

— В Крым, — ответил мужчина. И снова замолчал.

Неразговорчивый. Никитин пожал плечами, начал устраивать вещи. Варя хлопотала около Машеньки, доставала кружку, наливала воду. Сосед даже не повернул головы.

Что-то в нем было... напряженное, агрессивное, глубоко спрятанное в душе, и в то же время страдальческое, униженное. Никитин это чувствовал интуицией, выработанной годами работы следователем. И еще настороженность. Как у человека, которого обвели вокруг пальца, подставили, и теперь он невольно готовится к повторению этого позора, озирается и не верит никому.

Никитин незаметно скользнул взглядом по его рукам. Татуировка — едва заметная, на тыльной стороне ладони, у основания большого пальца. Выцветшая синяя буква «К». Могла быть просто отголоском юношеской глупости. В то же время в воровском мире такие метки порой значат больше, чем документы.

Еще одна деталь: на шее мужчины, у самого ворота рубахи, виднелся краешек шрама — тонкий, но глубокий. Никитин видел такие шрамы раньше. От удавки или проволоки. А может быть, и от петли... Кто он? Потрепанный жизнью и лишениями сиделец? Или истеричный тип со слабыми нервами, вполне способный на самоубийство?

ТЕНИ НАД ЯЛТОЙ

— Аркадий, ты опять ничего не ешь, — Варя протянула ему бутерброд с колбасой. — Вот, держи, хоть что-нибудь в рот положи.

— Я не голодный, — Никитин взял бутерброд машинально, положил на столик.

— Ты не голодный две недели подряд, — сказала Варя с легким упреком. — Посмотри на себя — одни кости. А ты еще удивляешься, что я тебя в санаторий тащу.

— Не тащишь, а везешь, — улыбнулся Никитин. — С комфортом, в мягком вагоне.

— А мог бы и в плацкартном ехать, если бы не путевка от прокуратуры, — Варя фыркнула. — И сидел бы теперь на жесткой лавке, и не жаловался.

Никитин засмеялся тихо. Сосед дернул плечом — едва заметно, но Никитин поймал это движение. Раздражение. Или напряжение.

В коридоре появилась проводница — полная женщина лет пятидесяти с усталым лицом и выбившимися из-под платка седыми прядями.

— Билеты, — сказала она монотонно, заглядывая в купе.

Никитин достал билеты из внутреннего кармана пиджака, протянул. Проводница сверилась со списком, кивнула. Сосед молча передал свой

билет — скомканный, будто долго лежал в кармане брюк.

— Постельное белье? — спросила проводница.

— Да, пожалуйста, — сказала Варя. — Три комплекта.

Проводница ушла. Вернулась через несколько минут с охапкой белья — простыни, наволочки, маленькие вафельные полотенца. Никитин помог ей разложить все по полкам. Сосед взял свое белье молча, без благодарности.

Поезд дернулся. За окном поплыли огни перрона, потом — темнота пригородов, редкие желтые квадраты окон в избах, потом — ничего, только черные поля и леса, иногда — мелькание фонаря на переезде.

Никитин прислушался к стуку колес. Ритмичный, убаюкивающий. Впервые за два месяца он почувствовал, как напряжение отпускает. Лето выдалось безумным — два сложных дела подряд, почти без выходных. Варя молчала, но он видел, как она устала от его отсутствия, оттого, что Машенька засыпала без отца, оттого, что приходилось все тащить одной.

— Прости, — сказал он тихо, глядя на нее.

— За что? — Варя подняла глаза от Машеньки, которую укладывала на полку.

ТЕНИ НАД ЯЛТОЙ

— За то, что все лето меня не было видно.

— Дурачок, — Варя улыбнулась. — Я же знала, на что иду, когда выходила за тебя замуж. За следователя, а не за бухгалтера с девяти до шести.

Никитин потянулся к ней через столик, сжал ее руку. Она ответила легким пожатием.

Сосед резко поднялся, вышел в коридор. Дверь заскользила в сторону. Никитин проводил его взглядом.

— Странный какой-то, — заметила Варя вполголоса.

— Угрюмый, — согласился Никитин. — Может, просто устал. Или неразговорчивый по характеру.

Варя укрыла Машеньку одеялом, поцеловала в лоб.

— Спи, моя хорошая, — прошептала она.

Никитин достал из чемодана бутылку коньяка — «Арарат», три звездочки, подарок от коллеги. Разлил по двум граненым стаканам.

— За отпуск, — сказал он, поднимая стакан.

— За отпуск, — Варя чокнулась с ним. — И за то, чтобы ты хоть неделю не вспоминал про работу.

Они выпили. Коньяк обжег горло, разлился приятным теплом в груди. Никитин почувствовал, как веки наливаются свинцом. Двое суток

без сна. Последние два дня перед отпуском он закрывал дело, дописывал обвинительное заключение, передавал материалы прокурору. Не спал, только пил черный чай и курил.

— Аркадий, ты сейчас упадешь, — сказала Варя, глядя на него. — Давай, полезай наверх.

— Сейчас, — пробормотал он. — Только допью...

Но глаза закрывались сами. Он положил голову на руки, сложенные на столике. Всего на минуту...

Варя тихо засмеялась, встала, осторожно сняла с него пиджак, стащила ботинки. Никитин едва чувствовал ее прикосновения — словно сквозь шинель. Она уложила его рядом с Машенькой, укрыла одеялом, поправила подушку под головой.

— Спи, — прошептала она, целуя его в висок.

Никитин, ткнувшись носом в лобик дочери, провалился в сон мгновенно, как в колодец.

* * *

В коридоре хлопали двери. Пассажиры сновали туда-сюда — кто в туалет, кто за кипятком к проводнице. Кто-то громко смеялся в соседнем купе. Пахло вареными яйцами, свежими огур-

цами, дешевой колбасой. Кто-то прошел мимо, попыхивая папирасой. В тамбуре столпилось несколько мужчин с полотенцами на шеях — выстроилась очередь к туалету.

Варя застелила верхнюю полку. Еще раз проверила дочь. Машенька сопела тихо, раскинув ручки. Варя погладила ее по голове, укрыла сползшее одеяло. Потом забралась наверх, легла, закрыла глаза.

Поезд мчался сквозь ночь. За окном мелькали огни редких станций, потом снова темнота. Стук колес, мерный и усыпляющий.

Сосед вернулся через полчаса. Никитин не слышал — спал мертвым сном. Мужчина бесшумно прошел к своей полке, сел, снова уставился в окно. Просидел так минут двадцать. Потом снова поднялся, вышел.

Так он вставал и уходил еще два раза за ночь. Беспокойный какой-то. Варя слышала сквозь дрему, как он откатывает в сторону дверь, как в купе врывается лязг буферов и перестуки колес.

Часа в два ночи все стихло. Поезд летел сквозь тьму. Варя забылась неглубоким сном.

И вдруг — крик.

Истошный, женский, раздирающий ночь.

Варя вздрогнула, села на полке, свесив ноги, тотчас посмотрела вниз. Сердце колотилось. Ни-

китин рывком поднялся, еще не понимая, где он, что происходит. Машенька спала. Попутчик тоже спал, накрывшись простыней с головой.

Крик шел из соседнего купе.

ГЛАВА 2

Никитин выскочил в коридор — в наспех натянутых галифе, в майке и войлочных тапочках. Сердце колотилось. Как старый солдат, он привык на крик просыпаться мгновенно, хотя в то же время грохот артиллерии его не всегда будил.

Коридор был пустой, но кое-где из купе уже высунулись испуганные лица. Поезд мчался сквозь ночь — за окнами мелькали черные стволы деревьев, редкие огоньки далеких хуторов. Стук колес был по-прежнему мерным, упрямым. Пахло застоявшимся табачным дымом, углем и чем-то кислым, похожим на забродившие остатки ужина. Шторы на окнах были наполовину задернуты, покачивались от вибрации состава.

Около купе номер шесть стояла проводница — плотная женщина с выбившимися из-под платка седыми прядями. Она казалась спокойной, была неподвижна, прижималась плечом к краю дверного проема, при этом сжимала кулаки и глядела в темноту купе. Выражение на ее лице было та-

ким, будто она увидела некий беспорядок, который нарушал график уборки вагона, вынуждал ее в ближайшее время заняться лишней работой, и потому теперь вряд ли удастся выкроить время для сна. Она поджала губы, дышала через нос тяжело и шумно.

Из купе доносился вой — женский, протяжный. Не крик, не плач, а долгий, выматывающий звук, который резал слух и невольно заставлял напрячься всем телом как при опасности.

Никитин чуть отстранил проводницу, шагнул через порог.

То, что он увидел, на секунду остановило его дыхание.

На нижней полке у окна сидела женщина лет тридцати пяти. Худая, с растрепанными темными волосами. Она, поджав ноги к груди и натянув до подбородка простыню, мелко дрожала всем телом и беспрестанно выла. А прямо над ней, на верхней полке, лежал человек. Это был средних лет мужчина в некогда белой нательной рубашке. Сейчас рубашка была насквозь пропитана темной, густой, уже загустевшей кровью. Кровь растеклась по его простыне, по краю полки. Несколько капель свисали с самого края. Толстые и тяжелые, они тем не менее уже настолько загустели, что не отрывались, застыли в воздухе,

будто время остановилось. А еще совсем недавно кровь щедро капала вниз, и край постели женщины был покрыт жуткими темно-красными пятнами.

Две другие полки, верхняя и нижняя, были пусты. Матрацы не раскатаны, подушки аккуратно сложены.

Никитин встал на цыпочки.

Мужчина лежал на спине, голова запрокинута, рот полуоткрыт. Моложавый, невысокого роста — не больше ста шестидесяти пяти сантиметров. Темные короткие волосы, обычное лицо, которое легко затеряется в толпе. На вид — лет сорок пять.

Никитин осторожно коснулся шеи мужчины — проверить пульс, хотя уже понимал, что бесполезно. Пальцы наткнулись на холодную, жесткую кожу. Тело остыло. Очоченение уже началось — пальцы мертвеца застыли в полусогнутом положении, будто он пытался что-то схватить. Или кого-то оттолкнуть.

Никитин перевел взгляд на его рубашку. Три прокола — один в области сердца, два чуть ниже, в районе ребер. Ткань вокруг проколов пропиталась кровью настолько, что сложно было разглядеть края ран. Но Никитин видел такие раны раньше.

Нож. Узкий, острый. Ударили профессионально — первый удар в сердце, точно, без промаха. Остальные — для верности.

— Свет! — крикнул он. — Включите свет!

Он склонился над лицом несчастного. Внимательно рассмотрел его верхнюю губу, глубокие «страдальческие» складки, высокие залысины, нахмурился, покачал головой.

Затем повернулся к женщине, сидящей на нижней полке. Вой ее стих, перешел в тихое всхлипывание. Она смотрела на него огромными, безумными глазами.

— Кто это сделал? — спросил Никитин, опустившись перед ней на корточки. — Вы видели?

Женщина резко, судорожно, замотала головой.

— Я... я спала... — прохрипела она. — Я крепко спала... Выпила валерьянку... Проснулась... А на меня... на меня капает... Что-то теплое... Я подумала... может, чай из термоса... Протекает... Я включила свет... И увидела... его... И кровь... Кровь на меня капала... Ужас...

Она снова всхлипнула, зажала рот ладонью.

— Вы слышали, как открывалась дверь? — настаивал Никитин. — Кто-то же входил в купе?

— Нет... не слышала... Я спала... Очень крепко спала... — Женщина закрыла лицо руками. — Боже мой... Боже мой...

Проводница за спиной Никитина ахнула возмущенно:

— А кто вы такой?! Что вы тут делаете?! Какое вы имеете право?!

Никитин выпрямился, повернулся к ней. Достал из кармана галифе удостоверение — красная корочка, потертая по углам. Раскрыл перед ее лицом.

— Никитин Аркадий Петрович, следователь уголовного розыска, — сказал он ровно. — В поезде есть милиционеры?

Проводница открыла рот, закрыла. Посмотрела на удостоверение, потом на Никитина. Лицо ее дрогнуло — облегчение смешалось с испугом.

— Слава богу... Слава богу, что вы здесь... — пробормотала она. — Нет, никаких милиционеров нет. Согласно распоряжению, я обязана поставить в известность бригадира поезда. Я не знала, что делать... Я думала... Господи, что теперь будет...

— Слушайте меня внимательно, — Никитин убрал удостоверение, взял проводницу за плечи, заставил посмотреть на себя. — Идите к бригадиру поезда. Немедленно. Скажите, что в вагоне убийство. Пусть он свяжется с ближайшей стан-

цией, вызовет милицию. Поезд должен остановиться. Понятно?

Проводница кивнула, все еще трясась.

— И еще, — добавил Никитин. — Как давно была остановка?

— В Орле... В Орле мы стояли десять минут.

— Когда это было?

— Да уж минут сорок как...

— Понятно. Убийцы в поезде наверняка уже нет. Приведите сюда других проводников. Нужно, чтобы никто не входил и не выходил из нашего вагона. Все пассажиры должны оставаться в своих купе. Никаких прогулок по коридору.

— Да... да, понятно... — Проводница попятилась. — Я... я сейчас... Только... вы тут посторожите... Пожалуйста...

— Хорошо. Посторожу.

Проводница развернулась и кинулась по коридору — неуклюже, спотыкаясь о собственные ботинки.

Никитин остался один. Вернее, наедине с мертвым телом и женщиной, которая все еще тряслась на нижней полке, зажав рот ладонью.

Он оглянулся. В коридоре столпились пассажиры — человек десять, в пижамах и халатах,

с испуганными лицами. Кто-то шептался, кто-то молчал, глядя в купе через плечи других.

— Всем разойтись по купе, — приказал Никитин. — Немедленно. Никто не покидает вагон. Жду милицию.

Толпа заколебалась. Кто-то попятился. Кто-то остался стоять.

И тут Никитин заметил его.

Соседа из пятого купе.

Крепкий мужчина с тяжелым взглядом стоял в коридоре, прислонившись к стене. Руки в карманах брюк. Лицо непроницаемое. Он смотрел в купе — не на труп, а на Никитина. Смотрел долго, оценивающе.

Потом развернулся и ушел обратно в свое купе. Дверь за ним закрылась с тихим щелчком.

Никитин проводил его взглядом. Что-то не так с этим человеком. Слишком спокоен. Слишком равнодушен. Будто убийство в соседнем купе — обычное дело.

Он вернулся в шестое купе, снова подошел к верхней полке. Осмотрел тело внимательнее. Руки мертвеца — обычные, рабочие. Никаких колец, часов. Никаких татуировок на запястьях.

Никитин присел на край нижней полки, стараясь не касаться пятна крови. Женщина все еще